

О встраивании Франции в фарватер британской политики

Комментарий Центра АРВАК, 02.04.2025

27.03.2025 на Парижском саммите, названном также «*коалицией желающих*», президент Франции Э. Макрон заявил: «*Европа нуждается в Турции, а Турция – в Европе*». Формула французского президента фиксирует наметившийся процесс сближения ЕС с Турцией, который аналитики объясняют намерениями Д. Трампа отказаться от финансово затратной и политически нецелесообразной военной защиты Европы. Тем самым, на фоне «*надвигающейся российской угрозы*» Европа ищет военно-политическую опору в лице Турции, на данный момент обладающей самой большой, после США, армией в НАТО и динамично развивающимся военно-промышленным комплексом.

По оценкам экспертов, сама Европа обладает передовыми технологическими разработками и необходимой базой для расширения собственных военно-промышленных мощностей, и также не испытывает нехватки в человеческих ресурсах для увеличения кадрового состава европейских армий. Но на достижение военно-политической самодостаточности странам ЕС понадобится не менее 10-15 лет. Именно с учетом этого отрезка времени возросла роль Анкары для ведущих европейских столиц, взявших на себя миссию по сдерживанию РФ и сохранению паритета сил в Старом Свете, который будет нарушен с выходом США из игры.

Есть мнение, что идея более тесного вовлечения Турции в архитектуру безопасности Европы принадлежит Великобритании, и она же будет лоббировать интересы Анкары в Брюсселе, вплоть до возможности вступления Турции в ЕС в обмен на предоставленные гарантии оказания ею военно-политического давления на РФ. И, судя по всему, Франция с готовностью подхватила эту инициативу наряду с Германией, Польшей и рядом других ведущих стран-членов ЕС.

С учетом этих новых обстоятельств, возникает вопрос о будущем французских инициатив на Ближнем Востоке и Южном Кавказе в частности, где до недавнего времени Париж демонстрировал (либо пытался проводить) шаги по сдерживанию набирающего силу турецко-азербайджанского фактора. Париж, фактически, инициировал создание в Восточном Средиземноморье антитурецкого альянса совместно с Грецией и Кипром, а также продвигал идею расширения этой неформальной коалиции, с включением в нее Индии, Армении и, возможно даже, Ирана.

Ряд экспертов склонен считать, что подобная активизация Франции в указанных регионах была связана с необходимостью компенсировать утрату Парижем своих позиций в Африке и попыткой закрепиться в азиатских регионах, в той или иной степени исторически подверженных французскому влиянию. Этот курс предполагал возникновение определенного напряжения во взаимоотношениях с Турцией, которая также считает Ближний Восток зоной своих интересов и стремится по возможности «квотировать» вмешательство мировых держав во внутренние дела этого региона.

Попытки Франции встроить свои интересы в геополитический ландшафт рассматриваемого региона не могли не столкнуться также с интересами

Великобритании, имеющей собственное видение и планы относительно будущей конфигурации геополитического пространства от Восточного Средиземноморья до Центральной Азии. Проект т. н. «*Большого Турана*», приписываемый аналитиками главным образом Лондону, а не Анкаре, не допускал попыток Парижа оказывать на международных площадках излишнее давление на Турцию и дискредитировать Азербайджан в контексте Карабахской проблемы и агрессивной политики Баку в отношении Еревана. Поэтому не удивительно, что Лондон без лишнего шума оказывал и продолжает оказывать поддержку Турции и Азербайджану по нивелированию французского вмешательства в англо-турецкие планы. Можно предположить, что без опоры на сильного европейского и мирового игрока в лице Британии Р. Эрдоган, даже с учетом своего эксцентричного склада, едва ли позволил бы себе антифранцузские демарши, сопряженные оскорблениями в адрес Франции и лично Э. Макрона. А И. Алиев без британской поддержки едва ли бы смог инициировать амбициозную политико-пропагандистскую кампанию против «*мирового французского колониализма*». Эти и другие обстоятельства подсказывают, что французские инициативы по увеличению своей роли в ближневосточных и южнокавказских делах встретили ожесточенное сопротивление на местах, а также вскрыли признаки многовековой франко-британской конкуренции за сферы влияния в разных регионах мира.

Однако следует учитывать, что это конкуренция зачастую может привести к самому тесному взаимодействию там, где это позволяют обоюдные интересы, вызванные внезапно изменившимися обстоятельствами. Последние события следует причислить именно к такому опыту. Инициатива Д. Трампа по диалогу с РФ и отказу от военной поддержки ЕС переключила внимание Парижа на ситуацию в Восточной Европе и привело к заметной оттепели во франко-турецких отношениях. По сути, речь может идти о признании Францией своего поражения на турецком и азербайджанском треках и ее встраивании в фарватер британской стратегии, предполагающей увеличение значимости Турции для Европы и вручение ей карт-бланша на центральноазиатском направлении. Опора на Турцию в конфронтации с РФ, а также доступ к ресурсам Центральной Азии, включая жизненно важный для французской энергетики после африканских потерь казахстанский уран, должны компенсировать уступки Парижа Лондону и деактивацию французской политики, в том числе, и на Южном Кавказе.

С учетом этих обстоятельств, надежды некоторых политических кругов и общественности Армении на существенную военно-политическую поддержку Франции в деле сдерживания турецко-азербайджанского давления сомнительны. Нужно понимать, что несмотря на симпатии и культурно-исторические связи с Арменией, ограниченное международное влияние Франции, а также внешнеполитический прагматизм не позволяют Парижу предпринимать шаги, противоречащие глобальным интересам Пятой Республики. Также важно уметь дифференцировать вербальную составляющую внешней политики Франции от ее прикладных действий, зачастую диаметрально противоречащих друг другу. В данной связи стоит вспомнить резолюцию Сената Франции от 25.11.2020 о признании

Республики Арцах, которая сразу же была отвергнута МИД, правительством и президентом Франции с формулировкой о *«нецелесообразности осложнять конфликт односторонними признаниями»*. Также можно вспомнить о призыве Сената от 21.06.2024 к правительству Республики *«прекратить новые проекты или новые этапы текущих проектов с участием французских компаний в углеводородном секторе Азербайджана»*. Речь, в частности, шла о французском нефтегазовом гиганте *Total*, имеющем свои доли в разработке азербайджанских месторождений *«Шах Дениз»* и *«Апшерон»*, а также в энерго-логистических консорциумах по доставке азербайджанских углеводородов на европейские рынки. Однако после оглашения этого призыва *Total (TotalEnergies SE)* только нарастил свое присутствие в энергетическом секторе Азербайджана. Одновременно, по данным ЦБ АЗР, только в 2024 г. прямые французские инвестиции в азербайджанскую экономику выросли в 25 раз. Следует особо отметить, что такой беспрецедентный рост капиталовложений был зафиксирован на пике франко-азербайджанской политико-дипломатической конфронтации, сопряженной *«антиколониальной»* кампанией Баку, дипломатическими нотами, отзывами послов и арестами в Азербайджане французских граждан с обвинениями в шпионаже.

Подобная противоречивость вполне закономерна, если учитывать что декларативная проармянская позиция дает Франции возможность маневрировать и вести торг с внешнеполитическими оппонентами по обширному ряду проблем и интересов.